

Глава 1

Как Мегрэ проводит холостяцкий вечер и как этот вечер заканчивается в госпитале Кошен.

— Почему бы вам не поужинать у нас, так сказать, чем бог послал?
И славный Люка добавил:

— Смею вас заверить, моя жена будет в восторге.

Бедный, бедный старина Люка! Он говорил неправду, потому что его жена, которая впадала в панику по любому поводу, а уж принимать кого-то к ужину и вовсе считала мукой, впоследствии осыпала бы мужа упреками.

Около семи часов вечера солнце еще сияло вовсю; они вместе покинули здание на набережной Орфевр и направились в ресторан «Дофин», расположенный на пересечении двух ближайших улиц. Первый стакан аперитива они осушили, рассеянно глядя в пустоту — так смотрят люди, за спинами которых остался тяжелый трудовой день. Затем, не слишком церемонясь, Мегрэ постучал монетой по блюдцу, чтобы подзвать официанта и повторить заказ.

Конечно, все эти мелочи не имели никакого особого значения. Но часто подобным деталям уделяешь повышенное внимание лишь потому, что в действительности они почти незаметны. Тем не менее Мегрэ был убежден, что в ту секунду Люка подумал:

«Это из-за отсутствия жены патрон заказал второй стаканчик, хотя совершенно не обязательно было это делать».

Два дня тому назад мадам Мегрэ вызвали в Эльзас к больной сестре, которой предстояла серьезная операция.

Возможно, Люка полагал, что комиссар обескуражен? Или несчастен? Как бы то ни было, инспектор пригласил начальника на ужин, проявив при этом слишком уж горячую настойчивость. Вот и сейчас он смотрел на Мегрэ совершенно особым образом, как будто жалел его. А может быть, у комиссара просто разыгралось воображение?

По иронии судьбы вот уже целых два дня у Мегрэ не было ни одного срочного дела, которое могло бы задержать его в кабинете

после семи часов. Он мог бы уйти даже в шесть вечера, хотя обычно считалось чудом, если ему удавалось успеть домой к ужину.

— Нет. Я намереваюсь воспользоваться случаем и сходить в кино, — ответил Мегрэ.

Сам того не желая, он сказал «воспользоваться», хотя это слово совершенно не отражало его настроения.

Они расстались у Шатле. Люка спустился по лестнице в метро, а комиссар так и остался стоять в нерешительности посреди тротуара. Небо стало розовым. Улицы тоже казались розовыми. Один из первых вечеров, когда явственно ощущалось дыхание весны, и парижане высыпали на террасы кафе.

Хотелось ли ему есть? Будучи совсем один, он мог пойти куда угодно, поэтому подошел к вопросу весьма серьезно, перебирая в уме различные рестораны, способные его прельстить, словно он собрался там развлекаться. Сначала Мегрэ сделал несколько шагов в сторону площади Согласия — и это его смутило, обескуражило, ведь он неизвестно зачем удалялся от дома. В витрине колбасной лавки комиссар заметил улиток, фаршированных маслом со свежей петрушкой. Раковины казались лакированными.

Его жена не любила улиток. И он ел их крайне редко. Этим вечером Мегрэ решил полакомиться улитками, дабы «воспользоваться случаем». Он развернулся и направился к ресторану на площади Бастилии, в котором улитки были фирменным блюдом.

В ресторане его знали.

— Один прибор, месье Мегрэ?

Во взгляде официанта не было ни удивления, ни упрека. Мегрэ пришел один и потому не мог рассчитывать на хороший столик — его усадили в проходе, напротив колонны.

По правде говоря, он и не ожидал чего-то особенного. На самом деле он даже не знал, хочет ли идти в кино, и не имел представления, куда ему «доставить» свое грузное тело. Однако при этом ощущал смутное разочарование.

— Что вы выберете из вин?

Комиссар не осмелился заказать слишком изысканный сорт, и все по той же причине: он не желал «воспользоваться случаем».

Уже через три четверти часа, когда зажглись уличные фонари и вечер окрасился в синий цвет, Мегрэ снова стоял посреди площади Бастилии.

Было еще слишком рано, чтобы отправляться спать. Вечерние газеты комиссар просмотрел еще в кабинете. И новую книгу начинать не хотелось, потому что она заставит его бодрствовать добрую часть ночи.

Он направился к Большим бульварам, решив все-таки сходить в кино. Два раза Мегрэ останавливался, чтобы просмотреть афиши, но ни одна из них его не заинтересовала. Какая-то женщина пристально посмотрела на комиссара, словно догадавшись о его временном холостяцком положении, и он почувствовал, что краснеет.

Быть может, она ждала, что Мегрэ «воспользуется случаем»? Женщина обогнала его, обернулась и, увидев, как он смутился, утвердилась в мысли, что ей попался робкий клиент. Она преградила комиссару дорогу и прошептала несколько слов; чтобы избавиться от нее, Мегрэ пришлось перейти на другую сторону улицы.

Что касается кинотеатра, то казалось почти преступным идти туда в одиночестве. Право, глупо и смешно. Комиссар зашел в бар и выпил рюмку кальвадоса. И тут снова какая-то женщина одарила его призывной улыбкой.

Мегрэ посещал бары тысячи раз, но никогда не испытывал подобного чувства.

В конечном итоге, чтобы обрести душевный покой, он выбрал маленький кинотеатр в полуподвале, где показывали только новостные программы.

В половине одиннадцатого Мегрэ вновь очутился на улице. Он заглянул в еще один бар, выпил еще один кальвадос, словно выработывал новую привычку, а затем, набив трубку, медленно направился к бульвару Ришар-Ленуар.

В общем, весь вечер комиссар чувствовал себя не в своей тарелке и, хотя не делал ничего предосудительного, испытывал смутные угрызения совести.

Поднимаясь по лестнице, он достал из кармана ключ; ни полоски света под дверью, ни ароматов еды, доносящихся с кухни. Он был вынужден сам щелкнуть выключателями. Проходя мимо буфета, Мегрэ решил «воспользоваться случаем» и налить себе рюмочку спиртного, ведь сегодня он мог это сделать, не лоя на себе взглядов жены.

Комиссар начал раздеваться и направился к окну, чтобы закрыть шторы; он как раз стягивал подтяжки, когда раздался телефонный звонок.

В тот момент Мегрэ уже не сомневался, что произошло что-то нехорошее, и именно это было причиной плохого настроения, сопровождавшего его весь вечер.

— Алло!..

Это звонила не мадам Мегрэ, значит, его невестка не умерла. Звонок был из Парижа.

— Это вы, патрон?

Из криминальной полиции. Мегрэ узнал раскатистый голос Торранса, которой звучал в телефонной трубке, словно труба.

— Хорошо, что вы вернулись. Я звоню вам уже четвертый раз. Я набрал Люка, и он мне сказал, что вы в кинотеатре. Но я не знал, в каком...

Казалось, потрясенный Торранс не знает, с чего начать.

— Это касается Жанвье...

И какова же была реакция? Мегрэ, ни на секунду не задумываясь, угрюмым тоном поинтересовался:

— И чего хочет Жанвье?

— Его только что доставили в госпиталь Кошен. Он схлопотал пулю в грудь.

— О чем ты?

— Должно быть, сейчас он на операционном столе.

— Где ты?

— На набережной Орфевр. Ведь должен был кто-нибудь здесь остаться. Все необходимое на улице Ломон я закончил. Люка прыгнул в такси и помчался в Кошен. Я также предупредил мадам Жанвье, она уже должна была прибыть в госпиталь.

— Я выхожу.

Мегрэ вновь натягивал подтяжки и уже собирался положить трубку, когда решил на всякий случай спросить:

— Это Паулюс?

— Неизвестно. Жанвье был на улице совсем один. Он заступил на дежурство в семь часов вечера. Малыш Лапуэнт должен был сменить его в семь утра.

— Ты послал людей осмотреть дом?

— Они все еще там. Мы поддерживаем связь по телефону. Пока они ничего не нашли.

Мегрэ пришлось дойти до бульвара Вольтера, и только там он смог поймать такси. Улица Сен-Жак оказалась почти пустынной, свет горел лишь в нескольких витринах бистро. Комиссар устремился под

своды госпиталя Кошен и тут же окунулся в унылую атмосферу, характерную для всех больниц, в которых ему доводилось бывать.

Зачем окружать больных и раненых — людей, которые пытаются выжить, и тех, кто приблизился к последней черте, — столь мрачной, давящей атмосферой? К чему этот скудный и одновременно режущий глаза свет, который можно встретить только в госпиталях и административных зданиях? И почему у дверей посетителей встречают типы с такими неприятными лицами?

Вдобавок Мегрэ пришлось предъявить служебное удостоверение. Интерн, дежуривший у входа, выглядел совсем мальчишкой; он сдвинул свою белую шапочку набекрень, словно бросая вызов окружающим.

— Строение «С». Вас проведут...

Мегрэ сгорал от нетерпения. Обозленный на весь мир, в данный момент комиссар особенно злился на медицинскую сестру, которая указывала ему дорогу: его раздражали ее яркая губная помада и завитые волосы.

Плохо освещенные дворы, лестницы, длинный коридор, а в конце него — три смутных силуэта. Путь до этих троих показался Мегрэ бесконечным, а линолеум, выстилавший коридор, — особенно гладким.

Низкорослый Люка сделал несколько шагов навстречу патрону; он приближался, словно побитый пес.

— Мы думаем, что он выкарабкается, — сразу же шепотом сообщил инспектор. — Вот уже три четверти часа, как он находится в операционной.

Мадам Жанвье с красными глазами, в криво сидящей шляпке умоляюще посмотрела на комиссара, как будто он мог хоть чем-то помочь. Внезапно она разрыдалась, уткнувшись в платок.

Мужчину с длинными усами, скромно стоящего в сторонке, Мегрэ не знал.

— Это сосед, — объяснил Люка. — Мадам Жанвье не могла оставить детей одних, поэтому пригласила соседку, муж которой предложил сопроводить ее в госпиталь.

Мужчина, прислушивающийся к их разговору, вежливо поздоровался и наградил Люка благодарной улыбкой.

— Что говорит хирург?

Они стояли прямо у дверей операционной и потому переговаривались почти шепотом. В другом конце коридора, словно суетливые